

«Железный Феликс», «Страж революции», «Человек с горячим сердцем» и даже «Красный палач»... Этими прозвищами Дзержинский, которому 11 сентября 2020 года исполняется 143 года со дня рождения, обязан своей принципиальности и несгибаемой стойкости в деле борьбы за идеалы революции. И только тем, кто знал Дзержинского лично, известно, как нелегко всё это давалась ему...

Журналист Лев Сосновский писал: «Массам личность Дзержинского неизвестна. Они знают государственного деятеля Дзержинского, вождя Дзержинского, бойца Дзержинского. Но человека, Феликса, целостную личность, светлую и гармоничную, обаятельного идеалиста (в лучшем смысле этого слова), трогательно чистого семьянина-однолюба, добрейшего и отзывчивого товарища, человека без трещин и изъянов – этого Дзержинского массы не знали», – эти слова приводятся в издании «Феликс Дзержинский» (1927), с которым можно ознакомиться на портале Президентской библиотеки.

...Будущий революционер родился недалеко от Минска, в родовом имении польского помещика. При крещении он получил два имени – латинское и польское – Феликс Шченсны, которые означают «счастливый». По материнской линии Дзержинский состоял в родстве с Юлиушем Словацким, польским поэтом X

I века. Любопытный факт приводится в размещённой на портале Президентской библиотеки видеолекции «Неизвестный Дзержинский»: когда в конце минувшего столетия в Варшаве демонтировали памятник Дзержинскому, на его месте установили другой – родственнику революционера, поэту Словацкому.

Судьба не раз играла с Дзержинским. Например, в детстве Феликс мечтал стать ксёндзом, а стал – профессиональным революционером. После революции хотел заниматься просвещением – а был назначен главой ВЧК...

«Я созрел в тюрьме, в муках одиночества, в тоске по миру и жизни... – писал в дневнике 1908 года, сравнивая свою камеру с могилой, «счастливый» Феликс, – Тут в тюрьме бывает иногда плохо, бывает страшно. А всё-таки... если бы пришлось начать снова жизнь, я бы её начал так же...». Это было уже далеко не первое тюремное заключение Дзержинского – в общей сложности за решёткой он провёл 11 лет. Но неволя не ожесточила его – даже говоря о своих тюремщиках, он ищет им оправдания: «общая масса жандармов – это уставшие люди, и сразу заметно, что они лишь боятся начальства, и что они тяготеют жестокой дисциплиной. Кое-кто отнёсся ко мне с сочувствием...». Ознакомиться с этими уникальными материалами можно благодаря изданию «Феликс Дзержинский» (1931), электронная копия которого доступна в электронном читальном зале Президентской библиотеки. Тюремный опыт, как и любой другой, не прошёл для Дзержинского даром. Спустя годы, будучи главой ВЧК, он скажет: «Тот, кто станет жестоким, и чьё сердце останется бесчувственным по отношению к заключённым, должен уйти отсюда. Здесь, как ни в каком другом месте, нужно быть добрым и благородным».

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем была

создана 20 (7) декабря 1917 года. С самого первого дня её председателем был назначен Дзержинский, хотя вовсе не стремился к этому. Через полгода, во время мятежа левых эсеров, Дзержинский лично явился в их штаб с требованием выдачи убийц немецкого посла Мирбаха и был взят в заложники. Вскоре от него поступило заявление: «Ввиду того, что я являюсь несомненно одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника гр. Мирбаха, я не считаю для себя возможным оставаться дальше во Всероссийской чрезвычайной комиссии...». Честный, достойный поступок главы ВЧК был оценён – уже 22 августа 1918 года он был восстановлен в должности. Также были оценены его смелость и решительность – «Только Дзержинский мог, не задумавшись, во время лево-эсеровского мятежа 1918 г. пойти в отряд, руководимый эсером Поповым... Только он, обезоруженный, мог обратиться к Попову: „Отдайте мне револьвер для того, чтобы я мог вам пулю в лоб пустить!“», – пишет советский партийный деятель, друг Дзержинского Якуб Ганецкий в упоминавшемся выше издании «Феликс Дзержинский» (1931).

Революционер и публицист Карл Радек видел источник решительности Дзержинского в непоколебимой убеждённости в правоте дела революции. В книге «Феликс Дзержинский» (1927) он приводит такой пример: когда Дзержинского спросили, не допускает ли он, что ЧК может ошибаться и «совершать акты несправедливости», он ответил: «ЧК не суд... ЧК – защита революции, и как Красная армия в гражданской войне не может считаться с тем, принесёт ли она ущерб частным лицам, ...так и ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч её при этом попадает случайно на головы невинных». Однако и в этом вопросе Дзержинский старался оставаться верным своим принципам – став в 1919 году наркомом РСФСР, он отменил практику смертной казни. Позже высшая мера была возобновлена, но применялась лишь против должностных преступников, бандитов и шпионов.

«Он не любил говорить о том, что происходит в его душе в бессонные ночи, но от времени до времени у него прорывались слова, показывающие, как нелегко ему было... – продолжал Карл Радек. – Дзержинский говорил мне: „Когда победим, я возьму Наркомпрос“. Товарищи, бывшие при этом разговоре, смеялись. Дзержинский съёжился. Но эти слова открыли то, что ясно было всякому, знающему Дзержинского. Разрушение, насилие были для него только средством, а самое существо Дзержинского – это была глубочайшая тоска по строительству новой жизни».

В начале 1921 года Дзержинский становится председателем только что образованной Комиссии по улучшению жизни детей. Успешное решение проблем беспризорности, создание детдомов и «коммун» многие историки называют одной из главных заслуг Феликса Дзержинского. Возвращая детей к нормальной жизни, он занимался тем, о чём мечтал – строил новую жизнь.

В феврале 1924 Дзержинский, «ещё одною рукою опираясь на меч, другой – взялся за кирку» – его назначают председателем Высшего совета народного хозяйства СССР (ВСНХ). В статье «Строитель социализма», вошедшей в издание «Феликс Дзержинский» (1927), Радек задаётся вопросом: «Его университетом была тюрьма, где он зачитывался, как все, марксистской литературой. Специального уклона к изучению

экономики у него не было. Почему же он, человек великой внутренней скромности, абсолютно чуждый чванству, мог взяться за неслыханно трудное дело воссоздания хозяйства?» И сам же отвечает: «...его глубочайшим образом интересовали, волновали вопросы строительства социализма. <...> Он знал, как трудно строить. Ему пришлось учиться днями и ночами для того, чтобы уяснить себе картину хозяйственных связей... И он учился и работал с таким рвением, с таким напряжением, как только мог работать человек его веры и его энергии».

На портале Президентской библиотеки можно ознакомиться с уникальным изданием 1927 года «Ф. Э. Дзержинский. Три последних речи», в которое вошли стенограммы его выступлений, состоявшихся незадолго и в день смерти. 20 июля 1926 года, по воспоминаниям Льва Сосновского, «Феликс проработал всю ночь над докладом высокой государственной важности. В 8 часов он был уже в одном учреждении, в 10½ – в другом, а в полдень уже сидел на пленуме ЦК партии, готовясь к своей речи, – увы, последней...». Двухчасовое эмоциональное выступление Дзержинского было посвящено борьбе с бюрократизмом. Николай Бухарин в статье, предваряющей автобиографию Дзержинского (1926), так описывает это событие: «Странный румянец играет на щеках, то вдруг вспыхивая, то исчезая. Лихорадочно блестят глаза, блестящие внутренним огнём и в то же время такие больные. <...> Горячая речь, горячая жестикуляция, могучий напор воли... Но смотрите: что это с ним? Руки как-то судорожно хватаются за сердце, точно хотят вырвать сосущую боль. И вдруг голос, так страстно, почти экзальтированно звучащий, внезапно спадает почти до полушёпота. Капельки пота ползут по лбу, спускаются струйками вниз. <...> А внутренний голос зловеще говорит: „обречённый, обречённый“». Через три часа после своего выступления, в 16 часов 40 минут Дзержинский скончался от сердечного приступа. «Точно кипящая лава революции, а не простая человеческая кровь текла и бурлила в его жилах. Странно представить себе Дзержинского спящим. Почти невозможно представить его себе мёртвым, – продолжает Бухарин. – „Если я работаю, я работаю весь“, – сказал он в своей последней речи... и умер. И такой работой была вся его жизнь...».

«Грозой буржуазии» назвал Дзержинского в своём прощальном слове Иосиф Сталин, «подвижником революции» – Якоб Ганецкий, «неустрасимым бойцом» – Карл Радек, «суровым и нежным» – Лев Сосновский. Но, наверное, только Софья Дзержинская, «верная скромная подруга и соратница Феликса, и маленький Ясь, любимый сын Феликса», знали, каким он был на самом деле...